

Сражения и политическая культура в Соединённых Штатах Неохотный дебют в войне 1898 года

В 1898 году Соединённые Штаты вступили в войну с Испанской империей за Кубу, но вскоре обнаружили, что господствуют на Филиппинах, Гавайских островах, Гуаме и Пуэрто-Рико. Неохотное вступление в войну против Испании привело американский империализм, выходящий из столетия широкого, неоднородного и бурного капиталистического развития, к крещению своей первой морской войной в Азии. Некоторые сторонники «экспансионизма» выражали новую тенденцию, тогда как критики окрестили их «джинго» – прозвищем, которым называли британских националистов. Посол Уоррен Циммерманн описывает их в книге “First Great Triumph” (2002): они писали и действовали, а зачастую делали и то, и другое, *«превращая свою страну в мировую державу»*.

Адмирал А. Т. Мэхэн считал себя *«мыслителем»*: его книги задавали тон дебатам среди военных и публицистов. Агностик и лицемер Генри Кэбот Лодж был изворотливым человеком, продвигавшим *«большую политику»* в Сенате. Благодаря ему энергичный Теодор Рузвельт стал помощником министра военно-морского флота в период президентства Уильяма Маккинли (1897–1901). Скептически настроенный Джон Хэй, дипломат и удачно женившийся литератор, а также Элиху Рут, адвокат по деловым вопросам, назначенный военным министром и колониальным администратором, были двумя государственными секретарями, которые обслуживали сперва осторожную политику Маккинли, а затем, с 1901 года, линию Рузвельта в Белом доме.

Исторические тезисы о войне

По мнению Циммермана, война 1898 года стала первой, в которой интересы США слились с гуманитарными симпатиями к Кубе, возбуждёнными средствами массовой информации, и Рузвельт был решающим действующим лицом, подтолкнувшим Маккинли к ней. Джон Оффнер, заслуженный профессор Университета Шиппенберга (Пенсильвания), называет эту войну *«нежеланной»*: когда до промежуточных выборов оставалось всего несколько месяцев, *«республиканцы развязали войну, чтобы сохранить контроль в Вашингтоне»; «инвестиции, сенсации в прессе и национальная безопасность были гораздо менее важны»* (“An unwanted war”, 1992).

Льюис Гулд, автор из Техасского университета, который внимательно изучает историю Республиканской партии и Сената, высоко оценивает реконструкцию Оффнера, но отрицает её выводы. *«Международные изменения»* сыграли свою роль, поскольку администрация также была заинтересована в Азии, куда двигались европейские державы. Маккинли начал войну, когда Мадриду не удалось умиротворить Кубу, и его президентство должно было стать рассветом *«имперской исполнительной власти»* (“The presidency of William McKinley”, 1980). В книге “Имперская демократия” (1961) историк международных отношений Эрнест Р. Мэй приходит к выводу, что, *«какой бы ни была заслуга или вина»* Маккинли относительно аннексии Гавайев и Филиппин, именно *«исполнительная власть, а не Конгресс, стала источником принятия внешнеполитических решений»*.

Политическая битва 1898 года остаётся определяющей в диалектике между экономическими интересами и их политическими выражениями в государственной власти. Она осуществляется через ключевые фигуры и районы, представленные в Сенате, газеты с их политико-редакционными кампаниями, психологии и политические культуры Старого и Нового Света, воспринятые и интерпретированные ими.

Кубинское восстание

Кубинское восстание против Мадрида началось в 1895 году. Американское торговое судно “Альянс”, обстрелянное испанскими войсками, стало первым в череде инцидентов, которые перевели кубинский вопрос в дипломатическую плоскость. Тысячи американцев были связаны с Кубой: это были иммигранты, каботажные предприниматели, националисты и контрабандисты, а также крупные бизнесмены с огромными сахарными плантациями. Влияния этнических лобби, военных интересов и идеалов неизбежно размывались и смешивались. Кубинский интеллигент Хосе Марти в течение многих лет был редактором

Sun, крупной газеты в Нью-Йорке, мегаполисе, где находилась хунта, неформально представлявшая повстанцев. В то время как другие кубинские лидеры выступали за американскую интервенцию против Испании, Марти спрашивал: «*Когда американцы окажутся на Кубе, кто их оттуда выведет?*».

Экономические интересы на Кубе, важные для некоторых штатов, в то же время представляли малую часть совокупной торговли США. Государственный секретарь Ричард Олни обнаружил, что мнения кубинских бизнесменов разделились: известный сахарный предприниматель Эдвин Аткинс выступал за Мадрид, считая повстанцев неспособными к самоуправлению; другие придерживались противоположного мнения, поскольку в рядах революционеров были представлены лучшие кубинские семьи. Демократическое президентство Гровера Кливленда (1893–1897), твёрдо решившего не втягивать страну в зарубежные авантюры, основывалось на уверенности в решении проблемы путём переговоров и приблизилось к осторожной точке зрения Аткинса, отчасти из-за расовых и классовых предрассудков (Richard Welch Jr., “The presidencies of Grover Cleveland”, 1988).

Мадрид отвергал любое американское вмешательство, но в те месяцы в его многовековой империи открылась новая трещина: Филиппины, которые восстали в январе 1896 года.

Кливленд и Маккинли

Кливленд писал Олни, что отправка военного корабля на Кубу не входит в число «*благоразумных мер*». Аллан Невинс озаглавил свою биографию “Исследование о мужестве” (1932), поскольку Кливленд упорно продолжал переговоры с Испанией. Историк Оффнер, однако, видит тень ультиматума в президентском послании 1896 года: «*события*» могут «*положить предел нашему терпеливому ожиданию*». Когда Кливленд встречал своего преемника Маккинли в Белом доме, он предсказал, что война наступит в течение двух лет. Последний, ответил он, был бы счастлив избежать её, «*Ваше терпение увенчалось бы успехом*».

Маккинли был набожным методистом, ветераном Гражданской войны и искушённым республиканцем Среднего Запада. Его связи с представителями крупного бизнеса, крупнейшего спонсора партии, олицетворял его спонсор, Маркус Ханна, угольный предприниматель, которому он помог стать сенатором от Огайо. В ходе долгой политической карьеры, реконструированной Х. Уэйном Морганом (“William McKinley and his America”, 1963), Маккинли развил протекционистские взгляды на экономику, дав своё имя закону о тарифах 1890 года. На предвыборных встречах в 1896 году он подтвердил, что крупные бизнесмены не хотят иметь дело с войной и опасаются, что она достанется в наследство от демократов. С другой стороны, он приветствовал симпатии населения к кубинцам в рамках предвыборной платформы республиканцев.

Потопление судна “Мэн”

В феврале 1898 года два происшествия подняли проблему Кубы со столов дипломатов и привлекли к ней внимание общественности с помощью Уильяма Хёрста, редактора газеты *Examiner* из Сан-Франциско и нью-йоркского *Journal*, который уже несколько месяцев призывал к американскому вмешательству. В письме испанского посла Энрике Дюпуи де Ломе, просочившемся в *Journal*, осуждалось поддержание отношений между Вашингтоном и Мадридом и высмеивались переговоры о кубинской автономии. Колонки американских газет пестрели описанием Маккинли: «*слабак*», который «*ищет восхищения толпы*», «*начинающий политик, который пытается оставить дверь открытой*» как для мира, так и для «*джинго своей партии*». Неожиданный инцидент был быстро урегулирован по дипломатическим каналам, но усилил антииспанские настроения. На следующей неделе в Гаване был потоплен военный корабль “Мэн”, посланный Маккинли для защиты американской собственности.

Согласно классическому американскому объяснению Генри Коммаджера и Аллана Невинса (“America. The story of a free people”, 1942), Соединённые Штаты, «*потеряли собственность, под ударом оказались свобода и жизни*», но ещё в большей мере к действию их подтолкнули «*зверства*», которые они испытывали со стороны Кубы. Их настолько разогрели сенсационные газетные материалы, что они требовали интервенции: Маккинли, руководствуясь политическим расчётом, решил не выступать против. Другие историки,

принадлежащие к школе Уильяма А. Уильямса из Университета Висконсин-Мэдисон, связывают войну с давлением деловых кругов. В книге “The New Empire” (1963) Уолтер ЛаФебер документирует продолжавшийся десятилетиями поиск новых рынков и опасения бизнес-ассоциаций по поводу «перепроизводства». Джулиус Уильям Пратт из Университета Буффало (Нью-Йорк) отвечает, что предприниматели не поддерживали новые азиатские перспективы, открывшиеся в результате войны, пока всё не было фактически сделано (“Expansionists of 1898”). Газеты также не были воинственной фракцией с самого начала, но со временем меняли свои позиции. На самом деле существует обширная более поздняя историография “1898 года”, в которой различные элементы объяснений пересекаются.

Битва за централизацию

Короткая испано-американская война закончилась в августе, когда посол Франции от имени Мадрида подписал перемирие. Тем временем Маккинли получил согласие Сената на аннексию Гавайских островов в июле. 10 декабря, подписав Парижский договор, Мадрид уступил Филиппины, Гуам и Пуэрто-Рико, а также отказался от суверенитета над Кубой, которая была оккупирована Соединёнными Штатами на неопределённый срок, хотя Вашингтон и исключил возможность её аннексии.

Маккинли, чтобы начать войну и подписать мир на избранных им условиях, объединил усилия других держав, но в обоих случаях ему было труднее сломить внутреннее сопротивление американского конгресса, чем сопротивление противника. Международное соотношение сил благоприятствовало Вашингтону, в то время как внутри страны для достижения ратификации Парижского договора Маккинли пришлось прибегнуть ко всем доступным средствам. Это была изнурительная борьба, в которой участвовало буржуазное движение, выступавшее против аннексии, – “Антиимпериалистическая лига” из Бостона, к которой мы ещё вернёмся. Конгресс продемонстрировал влияние законодательной власти на проведение внешней политики, но затем заявили о себе полномочия президента, опирающиеся на интересы и предпочтения штатов и их представителей.

Февраль 2024 г.